

П. Е. ЩЕГОЛЕВ

ИЗ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА ПУШКИНА

*ИЗДАНИЕ ТРЕТЬЕ
ИСПРАВЛЕННОЕ
И ДОПОЛНЕННОЕ*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

МОСКВА

1931

ЛЕНИНГРАД

1. Первая встреча в 1826 году. ¹

Нельзя считать исследованным и выясненным вопрос о взаимных отношениях императора Николая I и его ближайших помощников по III отделению к Пушкину. Обычное представление, возвеличивающее монарха и выдающее в Бенкендорфе с его чиновниками досадное средостение, основывается на предвзятых мнениях и не является результатом документального изучения истории сношений монарха и поэта. Но из всех учреждений, работавших в помощь Николаю Павловичу, ни одно не действовало в таком согласии и такой настроенности с вершиной власти, как III отделение. Бенкендорф без хвастовства и лжи мог говорить о себе, что он пользуется полным доверием монарха. На этом основании при изучении вопроса необходимо говорить больше о царе, чем о его помощниках, даже в своей инициативе творивших волю пославшего. Прежде всего следует отделить на основании фактических данных показную сторону от закулисной и выяснить истинные, настоящие взгляды Николая I на поэта. Мы знаем ряд высказываний Николая I о Пушкине; мы встречаем ряд мнений и свидетельств о его взглядах на Пушкина. Николай I заботливо старался, чтобы окружающие его и сам поэт думали, что он относится к поэту и ценит его именно так, как он высказывался. До сих пор и исследователи освещали отношения царя к поэту как раз с той точки зрения, провести которую старался Николай I. Но это были не настоящие его взгляды. С особенным вниманием мы должны уяснить, чем был для него Пушкин и как император на него смотрел, когда был совершенно откровенен, нараспашку, как, например, в разговорах со своим братом Михаилом Павловичем или своими друзьями-слугами: Паскевичем, Бенкендорфом. Изложение отношений и мнений другой стороны — самого поэта — и легче, и сложнее. Легче потому, что

¹ Впервые напечатано в журнале «Русская Мысль» 1910 г., май; воспроизводится здесь с восстановленным мест, измененных редакцией по девзурным соображениям.

вообще в Пушкине не было двойственности, как не было ее и в его отношении к Николаю I, а сложнее по следующим причинам. Хотя отношения Николая I не были просты, но они легче поддаются изучению, ибо они не имели истории, ибо взгляды царя оставались такими же при кончине поэта, как они сложились к моменту первого свидания. Отношения же Пушкина, наоборот, были просты и искренни, но имели свою историю, очень сложную в своих психологических мотивах. Конечно, прежде всего, для этого нужно выяснить все фактические воздействия власти на поэта в период 1826—1837 гг., показать ту бесконечную серую пелену, которая окутала Пушкина в 1826 г., развевалась во все течение его жизни и не рассеялась даже с его смертью. Затем придется исследовать, чем был (и как стал быть) представитель высшей власти для ума, сердца и души поэта. Скажем тут же, что «настоящих» взглядов царя Пушкин не знал, как он не знал и вообще Николая Павловича. Но ненормальность отношений он сознал довольно скоро, не мог понять, в чем дело, мучился темными подозрениями. Процесс развития его взглядов и его отношений к царю тесно связан с жизнью созданного им поэтического образа государя в его творчестве, с теоретическими представлениями о монархе и власти. Необходимо рассмотреть возникновение и эволюцию этих представлений. Только поставив и разрешив все эти вопросы, мы получим разрешение поставленной нами задачи.

Первая встреча императора Николая I с Пушкиным произошла 8 сентября 1826 г. Этому свиданию охотно приписывают значение решающего момента в отношениях царя к поэту. Мы увидим дальше, что такого значения оно не имело. В настоящей статье, на основании изданных и отчасти неизданных материалов, мы намерены выяснить то представление о Пушкине, какое сложилось у императора Николая I ко дню его встречи с поэтом и каким оно оставалось до самой кончины последнего. Начало мнениям императора Николая I о Пушкине, как и о большинстве лиц русского общества, было положено в эпоху работ по расследованию деятельности злоумышленных обществ, прикосновенных к событиям 14 декабря. Известно, что учрежденная по этому поводу комиссия действовала под ближайшим и внимательнейшим руководством самого государя. С этой комиссией мы и должны начать.

I

В то время как следственная комиссия и император Николай I производили бесчисленные аресты, чинили дознания и допросы; в то время когда в России было мало дворянских семей, которые не имели бы среди своих близких и родных, прикосновенных так или иначе к мятежу; когда панический

страх за судьбы дорогих людей охватывал русские интеллигентные круги, — Пушкин в своем захолустье беспокоился за себя, несомненно, гораздо меньше, чем его друзья о нем. Ему не передавалась тревожная атмосфера столиц. Он совершенно ясно представлял себе свое положение, был убежден, что правительство удостоверится во время расследования, что «к заговору он не принадлежит и с возмутителями 14 декабря связей политических не имеет» (так писал он Жуковскому во второй половине января 1826 г.). Но совершенно уверенным в своей безопасности он не был: «все-таки от жандарма я не ушел, легко может, уличат меня в политических разговорах с каким-нибудь из обвиненных». Впрочем, от всего этого дела он скорее ожидал для себя поворота к лучшему, именно полагаясь на удостоверение комиссии в его непричастности. «Если Пушкина не замешан, то нельзя ли наконец позволить ему возвратиться?» — писал он уже в январе 1826 г. То в серьезной, то в шутливой форме Пушкин с этих пор непрерывно забрасывал своих друзей вопросами о своей судьбе: «Пусть позволит мне бросить проклятое Михайловское. Вопрос: невинен я или нет? в обоих случаях давно бы надлежало мне быть в П.-Б.», — писал он Плетневу 3 марта. Но от всех своих корреспондентов он получал один ответ: сидеть смиренно, жить в деревне, постараться заставить забыть о себе. Было не до хлопот за поэта, когда следственная комиссия и Николай I производили свою расправу. Осведомленный Жуковский сообщал Пушкину, очевидно, по словам лиц, близких к комиссии (из них ближе всех к Жуковскому был Д. Н. Блудов) следующее: «Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ подружиться с правительством». Пушкина не потребовали к ответу в Петербург, и как только следственная комиссия закончила свои действия и составила донесение, он подал Николаю Павловичу прошение. 10 июля он писал Вяземскому: «Жду ответа, но плохо надеюсь. Бунт и революция мне никогда не нравились — это правда; но я был в связи почти со всеми и в переписке со многими из заговорщиков. Все возмутительные рукописи ходили под моим именем, как все похабные под именем Баркова. Если бы я был потребован комиссией, то я бы конечно оправдался, но меня оставили в покое, и, кажется, это не к добру».

Посмотрим же теперь, какими данными для суждения о Пушкине располагала следственная комиссия по делу о злоумышленных обществах, начавшая свои действия сейчас же после 14 декабря 1825 г. и окончившая их 30 мая представлением всеподданнейшего донесения. Для ответа на этот вопрос мы просмотрели все огромное производство комиссии. Правда, записанные показания не исчерпывают всего материала, полученного следствием: многое, конечно, говорилось на допросах и не записывалось. Это нужно иметь в виду. Кроме того, мы

не располагаем и теми списками стихов Пушкина, о непрерывном нахождении которых у арестованных писал Жуковский Пушкину. Вещественные доказательства — письма, рукописи, взятые при обысках, — при деле, за ничтожнейшими исключениями, не сохранены. Но распространенность стихов Пушкина — факт общеизвестный (указания встретим и ниже), и слова Жуковского можно принимать в буквальном значении.

Поставив задачей выяснение источников вольномыслия, следственная комиссия почти всем привлеченным к делу задавала один и тот же вопрос: «с которого времени и откуда заимствовали вы свободный образ мыслей, т. е. от сообщества ли, или от внушений других, или от чтения книг, или сочинений в рукописях и каких именно? Кто способствовал укоренению в вас сих мыслей?» Очень многие из декабристов отвечали уклончиво на этот вопрос, ссылаясь на отсутствие в них вольномыслия. Некоторые объявляли, что они обязаны образом своих мыслей своим размышлением. Наконец, многие называли ряд авторов и сочинений, повинных в распространении мятежного духа. Из русских авторов и русских сочинений, названных декабристами, на одно из первых мест нужно поставить Пушкина и его стихи. Приведем несколько подобных ответов из показаний: их будет достаточно для характеристики того представления, которое могло сложиться у членов комиссии о Пушкине. Петр Бестужев, брат Александра и Николая, показывал: «Мысли свободные зародились во мне уже по выходе из корпуса, около 1822 года, от чтений различных рукописей, каковы: «Ода на свободу», «Деревня», «Мой Аполлон», разные «Послания» и проч., за которые пострадал знаменитый (в других родах) поэт наш А. Пушкин».¹ Мичман В. А. Дивов записал в своих показаниях: «Свободный образ мыслей получил... частью от сочинений рукописных; оные были свободные стихотворения Пушкина и Рыльева и прочих неизвестных мне сочинителей».² Прапорщик Бечаснов показывал: «Зная, что я охотно занимаюсь книгами и поэзией, советовали (офицеры) бросить романы, как не заслуживающие потери времени, предлагая читать хороших писателей — Трагедии — Стихи соч. Пушкина и других — постепенно разгорячавших пылкое воображение».³ А вот ответ одного из энергичнейших заговорщиков, заплатившего смертью за свой энтузиазм, Мих. Павл. Бестужева-Рюмина: «Первые либеральные мысли почерпнул я в трагедиях Вольтера, которые к моему несчастью слишком рано попались мне в руки. После, приготавливаясь к экзамену, учрежденному на основании указа 1809 года, я тщательно занимался естественным правом гражданским, римским и политической эко-

¹ Б. Гос. Арх., I В., № 366, л. 5 об.

² Б. Гос. Арх., I В., № 365, л. 1.

³ Б. Гос. Арх., I В., № 435, л. 19—19 об. или в издании Централархива «Материалы по истории восстания декабристов», т. V, стр. 277.

номией (все сии предметы требуемые). Таковые занятия дали мне склонность к политике; я стал читать известных публицистов, из коих всего более вреда мне наделал пустословный де-Прадт. Между тем везде слышал стихи Пушкина, с восторгом читанные. Это все более и более укоренило во мне либеральные мнения». ¹ Барон Штейнгель в очень резком письме из крепости к государю, рассуждая о невозможности бороться с идеями, писал: «Сколько бы ни оказалось членов тайного общества или ведавших про оное, сколько бы многих по сему преследованию ни лишили свободы, все еще останется гораздо множайшее число людей, разделяющих те же идеи и чувствования... Кто из молодых людей, несколько образованных, не читал и не увлекался сочинениями Пушкина, дышащими свободой?» ² В этом же роде и другие ответы. Можно себе представить те чувства, которые возникли у членов комиссии по отношению к Пушкину. Не может быть сомнения, что они старались добыть сведения о прикосновенности Пушкина к обществу, но их старания не увенчались успехом. Имя Пушкина не попало даже в известный и последнее время часто цитруемый Алфавит всем, имевшим хотя бы легкое касательство к делу о тайных обществах. Алфавит этот, заключающий в себе 567 фамилий, был составлен для Николая Павловича и был его настольной книгой. Пушкин не был даже назван членом «Зеленой Лампы»: ³ названные были занесены в эту книгу. Но все-таки в делах комиссии сохранились некоторые следы, свидетельствующие о том, что комиссия не прочь была бы притянуть и Пушкина к следствию поближе. Два раза имя Пушкина было затронуто серьезно, два раза поэту грозила опасность.

5 апреля 1826 года Бестужеву-Рюмину среди множества вопросов был предложен и следующий:

¹ Б. Гос. Арх., I В., № 396, л. 25 об.

² «Обществ. движ. в первую половину XIX в.», т. I, изд. М. В. Пирогова, стр. 490. Впрочем, в ответе на вопрос о присвоении свободного образа мыслей Штейнгель, назвав «разные сочинения (кому неизвестные?) Баркова, Нелединского-Меледкого, Ясвижского(?), кн. Горчакова, Грибоедова, Пушкина», прибавляет: «Сии последние вообще читал из любопытства и решительно могу сказать, что они не произвели над мною иного действия, кроме минутной забавы: подобные мелочи игривого ума мне не по сердцу». Гос. Арх., I В., № 360, л. 6. Приблизительно так же отвечал Александр Бестужев, стараясь очевидно, ослабить впечатление, которое оказалось бы вредным для Пушкина: «Что же касается до рукописных русских сочинений, они слишком маловажны и ничтожны для произведения какого-либо впечатления. Мне не случилось читать из них ничего, кроме: «О необходимости законов» (покойного фон-Визина), двух писем Мизала Орлова к Бутурлину и некоторых блесок А. Пушкина — стихами». Гос. Арх., I В., № 339, л. 4.

³ В 1925 году этот Алфавит был издан под редакцией и с примечаниями Б. Л. Модзалевского и А. А. Сиверса в издании Центрархива «Материалы по истории декабристов», том VIII.

«У комиссионера 10-го класса Иванова найдены были стихи, написанные на досках и по содержанию своему означающие пейстовое вольномыслие, о коих Иванов отозвался, что получил от Громницкого; сей же объяснил, что оные дали ему вы в Лещинском лагере при капитане Тютчеве, который (равно Спиридов и Лисовский) читали их и знают, что к нему точно дошли от вас, причем Громницкий дополнил, что вы будучи у Спиридова хвалили и прочитывали наизусть сочинение Пушкина под названием «Кинжал», которое тут же написали своею рукою и отдали Спиридову, а он, Громницкий, списал для себя уже у Спиридова. Справедливость сего свидетельствуют как Спиридов и Тютчев, так и Лисовский. Капитан же Пыхачев показывает, что вы часто читали наизусть, хвалили и раздавали всем членам вольнодумческие стихи Пушкина и Дельвига.

«Поясните чистосердечно:

«1 Когда, где и от кого вы получили стихи, данные Громницкому и чьею рукою оные написаны? Точно ли оные были ротмистром Паскевичем, как вы сказывали Тютчеву?

«2 Кому еще из членов давали как сии, так и подобные оным возмутительные стихотворения и от самих ли Пушкина и Дельвига получили оные, или от кого другого?

«3 Сии сочинители не были ли членами общества и в каких сношениях находились с вами, либо с Сергеем Муравьевым?»

Вопрос был поставлен прямо. Ответ М. П. Бестужева-Рюмина не дал никаких указаний на причастность Пушкина к обществу. Для нас он ценен, как сообщающий любопытную подробность к биографии Пушкина.

«Сие показание Спиридова, Тютчева и Лисовского совершенно справедливо. Пыхачев также правду говорит, что я часто читал наизусть стихи Пушкина (Дельвиговых я никаких не знаю). Но Пыхачев умалчивает, что большую часть вольнодумческих сочинений Пушкина, Вяземского и Дениса Давыдова нашел у него еще прежде принятия его в общество.

«1 Стихи Паскевича получил я в Лещине от него самого. Одни писаны рукою Жукова с поправкою Паскевича, а другие рукою Рославлева.

«Стихи Паскевича, как их получил, так и отдал их Тютчеву или Громницкому — сего уже не помню. Но говорил о них Артамону Муравьеву и Пестелю. Списков с них никому не давал. Рукописных экземпляров вольнодумческих сочинений Пушкина и прочих столько по полкам, что это нас самих удивляло.

«3 Принадлежат ли сии сочинители обществу или нет, мне совершенно неизвестно. Я Дельвига никогда не видал. С. Муравьев с ним не знаком. С Пушкиным я несколько раз встречался в доме Алексея Николаевича Оленина

в 1819 году, но тогда еще был я ребенком.¹ С. Муравьев с тех пор, что оставил Петербург, Пушкина не видал.

Разноречия в показаниях Пыхачева и Бестужева-Рюмина по вопросу о стихах Пушкина повели к очной ставке, которая была дана им в комиссии 26 апреля. На очной ставке капитан Пыхачев «утвердил свое показание, прибавив, что кроме стихов, начинающихся: «у вас Нева, у нас Москва» и пр., других у него не было». Подпоручик же Бестужев-Рюмин «остался при своем показании».²

В другой раз комиссия сделала попытку привлечь Пушкина поближе к делу по следующему поводу. Александр Поджио, не ограничившись весьма откровенными показаниями перед комиссией, дал к ним новые и важные дополнения в письме на имя члена комиссии генерала В. В. Левашева от 12 марта 1826 года. Тут он рассказывал подробно о своем пребывании в 1823 году в Петербурге и между прочим писал: «Перед выездом моим съехались к Митькову. Между прочим был здесь и Рылеев; я в нем видел человека, исполненного решимостью. Здесь он говорил о намерении его писать какой-то катихизис свободного человека, знаю, весьма преступный; и о мерах действовать на ум народа как-то: сочинением песен, пародиями существующих иных на подобие «Боже спаси царя» Пушкиным пародированной, и песни «Скучно мне на чужой стороне».³ С умыслом или без умысла, но комиссия сообщение Поджио поняла так, будто Пушкин пародировал «Боже спаси царя» на собрании членов общества в С.-Петербурге в 1823 году — как раз тогда, когда Пушкин жил на юге России. В таком смысле комиссия и запросила о справедливости слов Поджио Матвея Муравьева-Апостола. Но Муравьев-Апостол, давая подробно объяснения, решительно заявил: «При сем совещании не было Пушкина, который никогда не принадлежал обществу».⁴

После этого ответа других членов комиссия уже и не запрашивала о том, был ли членом общества Пушкин. По крайней мере указаний на это мы не имеем. Вот и все, что мы могли извлечь из производства комиссии, непосредственно относящегося к Пушкину.

Итак, данных оказалось слишком недостаточно, чтобы можно было предъявить Пушкину обвинение в принадлежности к тайному обществу, потребовать его и наказать, но зато по этим

¹ В 1826 г. Бестужеву-Рюмину было 24 года, а в 1819 г. всего 17 лет.

² Б. Гос. Арх. I В. № 396, л. 124, 145, 150, 152, 157, 158.

³ Б. Гос. Арх. I В. 402, л. 41 об. Цитируем по подлиннику. Я имел случай (в статье «Катихизис Сергея Муравьева-Апостола» Минувшие Годы, 1908 г., ноябрь и в новейшее время в книге «Декабристы» 1925) указать, что в неисправном издании М. Довнар-Запольского «Мемуары декабристов» (Киев, 1906 г., стр. 203) письмо Поджио напечатано с существенными искажениями как раз в цитированном нами отрывке.

⁴ Б. Гос. Арх. I В. № 397, л. 98.

данным члены комитета могли составить совершенно определенное представление о поэте, чьи стихи были источником пагубной заразы вольномыслия и принести столько бед и заговорщикам, и государству. Конечно, члены комитета и до 14 декабря слышали и знали о Пушкине, как авторе вольнодумческих од и посланий, но только во время следствия они увидели всю значительность и фактическую пагубность их действия, воочию убедились, что они сыграли важную роль в развитии мятежного настроения декабристов. Из воспоминаний современников, из мемуаров самих декабристов в настоящее время мы знаем это значение поэзии Пушкина, но для членов комиссии оно, пожалуй, было и ново, и неожиданно: им блеснула в глаза сила художественного и политического слова, сила мысли. Вредоносность Пушкина не подлежала сомнению с государственной точки зрения следователей-генералов и их руководителя — царя. Быть может, в это время они осмыслили всю необходимость борьбы с силой слова и мысли, в это время они и поставили завет борьбы, которому без колебаний остались верны на всю свою жизнь. Самый дальновидный из них, Николай I, не мог не сознавать, что борьба с вредоносностью художественного слова Пушкина, с этим блестящим, обильным источником вольномыслия, не могла укладываться в рамки расправ следственной комиссии и требовала иных средств. Нужна была уверенность, что поэт не будет создавать блесков неистового вольномыслия, а этой уверенности как раз и нельзя было достигнуть ссылками, заключениями и т. п. Иное средство укрощения строптивых должно было быть примененным к Пушкину.

Все реальное, фактическое значение того обстоятельства, что члены комиссии составили себе определенное и прочное представление о политической неблагонадежности и зловредности поэтического таланта Пушкина, можно оценить, вспомнив, кто были членами комиссии. Все это люди, которым суждена была огромная роль в правительстве Николая I, которые были облечены полным доверием и имели большое влияние на него, с которыми Пушкину в последующей его жизни случалось приходиться нередко в соприкосновение далеко не дружественного характера. И прежде всего надо упомянуть об А. Х. Бенкендорфе. Проявлявшаяся им кипучая деятельность в комиссии выделяла его и навсегда сблизила с Николаем I. Никто так остро не ощутил всего смысла борьбы с мыслью и словом, как он и Николай I, и никто более его не потрудился на этом поприще. Не лишнее отметить, что в самом же начале действий комитета на него был возложен разбор бумаг, взятых во время обысков. За Бенкендорфом идут великий князь Михаил Павлович, недружелюбие которого к Пушкину может быть засвидетельствовано документально; начальник главного штаба Дибич, дежурный генерал (по секретной части) Потапов, кн. А. Н.

Голицын (ему не могли быть безызвестны «пушкинские» эниграммы на него), генералы Голенщев-Кутузов, Левашев и Чернышев — все представители высшей и влиятельной бюрократии, задававшие тон и мнениям и поведению сановного мира.¹ Все они (не исключая и царя) были беспечны по части литературы, и можно сказать, что Пушкин-поэт для них не существовал, а был только вольнодумец и политически неблагонадежный человек. Из этих-то отношений, создавшихся в первой половине 1826 г., и надо исходить при оценке политического положения Пушкина в царствование Николая I.

Дополнение к данным, полученным официально из показаний привлеченных к делу, и укрепление создавшегося о Пушкине представления приносили доносы. Всегда была обильна доносками русская земля, а в то время доносительство достигло степеней чрезвычайных.² Во все концы России были разсланы офицеры, преимущественно флигель-адъютанты, для собирания под рукой доносов и сведений, не укрываются ли еще где-нибудь гидра революции и остатки вольного духа. Все эти посланцы представляли рапорты и донесения о положении дел в губерниях, университетах и т. д. К сожалению, обо всем этом мы очень мало знаем; обрывки доносений встречаются в деле следственной комиссии, но полного их собрания у нас еще нет. Был послан такой соглядатай и в прибалтийский край, в область управления эстляндского генерал-губернатора Пауллуччи. Проезжая через Псков, этот агент собрал сведения о Пушкине. Но донесение в общем было благоприятно для Пушкина.³

А что Пушкин в глазах высших представителей власти был действительно опасным человеком, об этом свидетельствует дознание о связях учителя Плетнева с литератором Пушкиным, произведенное вне следственной комиссии, но, очевидно, находящееся в (неясной еще для нас) связи с ходом следствия. Дознание это приходится как раз на то время, когда комиссия занималась расследованием по сообщению Поджио и Пыхачева.

¹ Председателем комиссии был военный министр Татищев. Из чиновников комиссии надо упомянуть об А. А. Ивановском, который впоследствии по должности своей в III отделении объяснялся с Пушкиным.

² Любопытные образцы доносов приведены у Н. К. Шильдера «Император Николай I, жизнь и царствование». СПб., т. I, стр. 426—430 и в примечаниях, стр. 541—542.

³ Анненков слышал о посылке «особенного агента в начале 1826 года, с поручением объехать несколько западных губерний для узнания местных злоупотреблений и, при проезде через Псков, собрать точные и положительные сведения о самом поэте, что по связям последнего со многими декабристами было тогда мерой, входившей в общий порядок начатого следствия над заговорщиками». «Пушкин в Александровскую эпоху». СПб. 1874 г., стр. 320. В 1918 году было опубликовано А. А. Шильовым в журн. «Былое» (1918, № 2 (30), стр. 67—77) доносение агента, посланного генералом Виттом, Бошняка, известного провокатора по делу южных декабристов. Ср. работу Б. I. Модзалевского «Пушкин под тайным надзором». Очерк. 3-е издание. Изд. «Атеней» 1925 г.

Отметим также и то, что все лица, принимавшие участие в этом дознании, состояли членами следственной комиссии. Первый документ, который мы имеем, относится к 4 апреля. Это — составленная, очевидно, на основании перлюстрированных писем, записка дежурного генерала Потапова, сообщающая о проекте издания «Цыган» и о том, что по сему предмету комиссионером является Плетнев. Эта записка была препровождена начальником главного штаба Дибичем петербургскому генерал-губернатору П. В. Голенищеву-Кутузову, который должен был дать объяснения по этой записке. 16 апреля последний отправил объяснительную записку, изложив в ней историю составления рукописи «Цыган» и характеристику Плетнева. «Плетнев — поведения весьма хорошего, характера тихого и даже робкого... особенных связей с Пушкиным не имеет, а знаком с ним как литератор. Входя в бедное положение Пушкина, он по просьбе его отдает по комиссии на продажу напечатанные его сочинения, и вырученные деньги или купленные на них книги и вещи пересылает к нему». Совершенно ясно было, что в отношениях Плетнева и Пушкина нет и намека на какую-либо злокозненность, но все дело было доложено императору, и он повелел Голенищеву-Кутузову «усугубить возможное старание узнать достоверно, по каким точно связям знаком Плетнев с Пушкиным и берет на себя ходатайство по сочинениям его, и приказывать иметь за Плетневым ближайший надзор». Об этой высочайшей воле Дибич сообщил Голенищеву-Кутузову 23 апреля. А 29 мая последний доносил об исполнении повеления и о результатах сугубого надзора. «Плетнев действительно не имеет особенных связей с Пушкиным, а только по просьбе г. Жуковского смотрел за печатанием сочинений Пушкина и вырученные за продажу оных деньги пересылал к нему, но и сего он ныне не делает и совершенно прекратил всякую с ним переписку». ¹ Так вот какой неблагонадежный и опасный человек был Пушкин, если даже богобоязненный и скромнейший Плетнев попал из-за невинных сношений с ним под секретный надзор.

¹ Документы о связях Плетнева и Пушкина напечатаны в «Русской Старине» (1899 г., т. ХСVIII, май, стр. 509—510) и в книге Я. Грота «Пушкин, его лицейские товарищи и наставники» (Изд. 2-е, СПб. 1899 г., стр. 255—256). Дознание было вчинено на основании перлюстрации писем. Вообще трудно допустить, чтобы письма Пушкина в это тревожное время не просматривались, но явное доказательство мы находим в самой же «Записке» Голенищева-Кутузова, который пишет: «относительно трагедии «Борис Годунов» известно, что Пушкин писал к Жуковскому, что она не прежде им выдана будет в свет, как по снятии с него запрещения выезжать в столицу». Письма Пушкина к Жуковскому с подобной фразой мы не имеем в «Переписке» Пушкина. (В письме к Плетневу от 3 марта есть подходящее сообщение.) Очевидно, сведения Голенищева-Кутузова идут из перлюстрации. До нас не дошло известий, как подействовала вся эта история на Плетнева, конечно, осведомленного о ней; но в «Переписке» за 1826 год письма Плетнева обрываются на письме от 14 апреля. Впрочем, может быть, они случайно лишь не дошли до нас.

Теперь понятно, почему друзья Пушкина советовали ему тихо жить в деревне и не возбуждать никаких просьб. Слишком несвоевременной оказалась бы попытка просить об освобождении от наказания в тот момент, когда Пушкин на волосок висел от новых кар и нового усугубления своей участи. Отголоском суждений о Пушкине в высоких петербургских сферах служит письмо Жуковского от 12 апреля. «Что могу тебе сказать на счет твоего желания покинуть деревню? В теперешних обстоятельствах нет никакой возможности ничего сделать в твою пользу. Всего благоразумнее для тебя остаться покойно в деревне, не напоминая о себе и писать, но писать для славы. Дай пройти несчастному этому времени... Ты ни в чем не замешан — это правда. Но в бумагах каждого из действовавших находятся стихи твои. Это худой способ дружить с правительством. Ты знаешь как я люблю твою музу и как дорожу твоею благоприобретенною славой: ибо умею уважать поэзию и знаю, что ты рожден быть великим поэтом и мог бы быть честью и драгоценностью России. Но я ненавижу все, что ты написал возмутительного для порядка и нравственности. Наши отроки (то есть все зреющее поколение) при плохом воспитании, которое не дает им никакой поддержки для жизни, познакомились с твоими буйными, одетыми прелестью поэзии, мыслями; ты уже многим нанес вред неисцелимый — это должно заставить тебя трепетать. Талант ничто. Главное: величие нравственное... Не просись в Петербург. Еще не время. Пиши Годунова и подобное: они отворят дверь свободы»...

Для нас ясно, что такое письмо могло бы быть написано только на основании бесед с кем-либо из членов комиссии: до того верно оно передает те их впечатления и настроения, о которых мы писали раньше. Конечно, Жуковский мог знать, что делалось в комиссии относительно Пушкина, хотя бы от своего друга Д. Н. Блудова, который в это время уже работал на основании всех следственных материалов над составлением донесения. Значительная фраза «Пушкин уже многим нанес вред неисцелимый» не принадлежит Жуковскому, который не располагал материалами для подобного суждения. Она сказана тем, кто слышал или читал многочисленные признания о губительном действии вольнодумной поэзии Пушкина. Можно даже предположить, что это письмо — отголосок разговоров Жуковского с самим Николаем Павловичем. Тут намечен и тот мотив, который выставляли друзья, хлопотавшие об освобождении: «Пушкин — великий поэт, честь и драгоценность России». Лично для Николая I этот мотив, конечно, не имел душевной убедительности: и Рылеев был поэт.¹ Поэзия, литература, искусство

Совершенно ложно известие подложных записок А. О. Смирновой о том, будто бы Николай I не знал, что Рылеев — поэт, и сказал Жуковскому: «я жалею, что не знал о том, что Рылеев талантливый поэт; мы

не имели в его глазах никакой абсолютной ценности: даже из стыдливого изложения Н. К. Шильдера мы видим, насколько Николай Павлович по условиям воспитания и образования не мог воспринимать красот поэзии и искусства. Но такие люди, как Карамзин и Жуковский, говорили об абсолютной ценности творчества, о необходимости охранения его; указывали, наконец, что художественная деятельность Пушкина — честь и великое сокровище России. Из их убеждений Николай Павлович мог вывести хоть то заключение, что поэзия и поэты — одно из принятых при дворах королей и монархов украшений. А по части украшений своего царствования он был очень заботлив. Но если желание сохранить блестящее украшение своего царствования и могло быть сильно в Николае Павловиче, то все-таки первой задачей было устранение, уничтожение навсегда источника дерзкого вольномыслия. Мы уже указывали на то, что борьба с вредоносностью идей требовала особых путей. Положение дел подсказывало вывод: Пушкина нужно было поставить в такое положение, чтобы он сам искренно отказался писать против правительства.

Друзья Пушкина взяли на себя заботу подготовить к этому поэта. Уже в письме Жуковского намечался этот путь освобождения, а Вяземский 12 июня давал из Петербурга следующий совет: «на твоём месте я написал бы письмо к государю искреннее, убедительное: сознался бы в шалостях языка и пера с указанием однако же, что поступки твои не были сообщниками твоих слов, ибо ты остался цел и невредим в общую бурю; обещал бы держать впредь язык и перо на привязи, посвящая все время свое на одни занятия, которые могут быть признаваемы (а пуще всего сдержал бы свое слово) и просил бы дозволения ехать лечиться в Петербург, Москву или чужие края». Этот совет не принадлежал единолично Вяземскому: он был коллективным мнением друзей, хлопотавших за Пушкина. Еще до получения этого письма Вяземского Пушкин отправил прошение государю, написанное в духе советов друзей. «С надеждой на великодушие В. И. В., — писал Пушкин, — с истинным раскаянием и с твердым намерением не противоречить моим мнениями общепринятому порядку (в чем и готов обязаться подпиской и честным словом), решился я прибегнуть к В. И. В. со всеподданнейшей моей просьбой... Осмеливаюсь просить позволения ехать для сего или в Москву, или в Петербург, или в чужие края». Ход этому прошению, отправленному исковскому гражданскому губернатору, был дан эстляндским генерал-губернатором маркизом Паулуччи. 30 июля Паулуччи препроводил прошение Пушкина графу Нессельроде, «побуждаясь в уваже-

еще недостаточно богаты талантами, чтобы терять их». Документы следственной комиссии не допускают даже мысли о подобной неосведомленности Николая Павловича.

нии приносимого им раскаяния и обязательства никогда не противоречить общепринятому порядку». ¹

Так обстояли дела Пушкина у Николая Павловича и высшего правительства в первую половину 1826 года. Настроение царя и влиятельных сановников было резко враждебно по отношению к Пушкину...

II

С самого начала действий следственной комиссии Николай Павлович обратил внимание на негодность высшей и тайной полиции и поставил своей задачей реорганизацию ее. Существенные услуги оказал ему А. Х. Бенкендорф. Уже в январе 1826 года он подал Николаю первый проект министерства полиции, за ним последовали дополнительные и разъяснительные записки. «Император Николай, — пишет Бенкендорф в своих записках, — стремился к искоренению злоупотреблений, вкравшихся во многие части управления, и убедился из внезапно открытого заговора, обогрившего кровью первые минуты нового царствования, в необходимости повсеместного, более бдительного надзора, который окончательно стекался бы в одно средоточие; государь избрал меня для образования высшей полиции, которая бы покровительствовала утесненным и наблюдала за злоумышлениями и людьми, к ним склонными. Число последних возросло до ужасающей степени с тех пор, как множество французских искателей приключений, овладев у нас воспитанием юношества, занесли в Россию революционные начала своего отечества, и еще более со времени последней войны, через сближение наших молодых офицеров с либералами тех стран Европы, куда заводили нас наши победы... Решено было учредить под моим начальством корпус жандармов. Всю империю разделили в сем отношении на семь округов; каждый округ подчинен генералу, и в каждую губернию назначено по одному штаб-офицеру. Учрежденное в то же время третье отделение собственной е. и. в. канцелярии представляло под моим начальством средоточие этого нового управления и вместе высшей секретной полиции, которая, в лице тайных агентов, должна была помогать и способствовать действиям жандармов». ²

25 июня 1826 года Бенкендорф был назначен шефом жандармов и командующим императорской главной квартирой; 3 июля взамен особой канцелярии министерства внутренних дел было образовано третье отделение собственной е. и. в. канцелярии, а Бенкендорф был назначен главноуправляющим этим отделением. Нет сомнения, что фактически готовиться

¹ Н. К. Шильдер. Император Николай I, жизнь и царствование. Т. I. СПб., 1903 г. Ст. 465, 466.

² Об этом см. новые данные в книге Б. Л. Модзалевского «Пушкин», Прибой. 1929, стр. 92—94.

к этой службе Бенкендорф начал гораздо раньше только что названных официальных событий. Ведь помимо общей задачи вытравить малейшие остатки духа 14 декабря 1825 года была и очень важная частная. Предстояла коронация в Москве, а перепуганному Николаю Павловичу и его высшему правительству все казалось, что злоумышленники могут устроить какие-либо неприятности—от манифестаций до покушений. Нужно было принять меры к тому, чтобы торжественное событие прошло совершенно гладко, чтобы ни один дерзкий возглас, ни один пущенный темный слух не омрачил спокойствие этих месяцев. Организацией секретного надзора на этот случай и занялся Бенкендорф еще в то время, когда он не носил никакого соответствующего официального звания. Надлежало наметить людей, выбрать помощников, создать штаты агентов. Тут подвернулся ему генерал-майор И. Н. Скобелев, с 1818 года занимавший место генерал-полицеймейстера 1-й армии (а в 1824 г. назначенный к генерал-губернатору Балашову, генерал-губернатору пяти губерний) и специализовавшийся на политических доносах. Это был истый доносчик со всеми яркими и пахучими чертами этого типа. Его невежество и до сих пор бьет в нос; его бумаги, безграмотные до забавности, писанные елейным стилем, можно бы и теперь приводить как примеры на доносы; свое предательство и невежество он старался осветить светом любви к отечеству и преданности престолу, тогда как в сущности, как это обычно в таких случаях, в нем лишь проявлялось узкоумие и кощунное корыстолюбие. Одержимый манерой доносительства, от доносов на мелких обывателей, писателей, офицеров он перешел к доносам на лиц чиновных и сановных, на первейших вельмож вроде Голицына, Закревского, Мордвинова, и кончил тем, что написал донос на своего ближайшего и непосредственного начальника—бывшего министра полиции генерал-адъютанта Балашова. Эту одержимость можно было бы счесть прямо болезненным явлением, если бы, впрочем, по мере достижения мест и чинов не утихала энергия доносительства и шпионства: известно, что И. Н. Скобелев скончался в чине полного генерала на должности коменданта петербургской крепости, «окруженный всеобщим почтением и обласканный благоволением императора». ¹

Сам ли Скобелев предложил Бенкендорфу свои услуги, или же Бенкендорф, наслышавшись, призвал его к службе, но только сохранилась следующая записка от 11 апреля 1826 года (на французском языке): «Генерал Скобелев был у меня; кажется, что он как нельзя лучше понимает свойства и важность пору-

¹ Об И. Н. Скобелеве есть работа И. А. Кубасова (Ив. Никит. Скобелев. Опыт характеристики. СПб., 1900 г. и в Русской Старине, 1900, № 2, стр. 393—413). К сожалению, автор характеристики совершенно не останавливается как раз на самой характерной особенности этого доносчика, сохранявшего столь патриархальный вид.

чений, на него возложенных. Он рекомендовал мне Фрейганга и еще 7 других из его чиновников; я буду иметь о них попечение и к маю месяцу пошлю их в Москву». А сам Скобелев, крайне желая попасть на службу, в патриархальных выражениях писал Бенкендорфу: «Повергая в начальничье вашего превосходительства покровительство кол. сов. Фрейганга и всех добрых сотрудников моих, коим, по похвальной дели и поведению рвения, усердия и любви к престолу преисполненным, не могу дать другого имени. Желая всем сердцем, чтобы полиция, как спасательная система монархии и полезнейший бальзам к излечению недугов ее, восприняла благие начала в оссбе вашей. Желая вместе, чтобы чины, в состав полиции послугить имеющие, даром души и сердца отвечали достоинствам сей службы в равномерной цене, какую дознал я на самом опыте в представляемых при сем. Желая, наконец, чтобы при действиях ко благу общей возникающей полиции, добрые, не опасаясь подлой клеветы, спали в объятиях покоя, а бездельники, соскуча трепетать, обращались на путь чести. Достигнув сей точки славы, душевная благодарность верных сынов России будет неразлучным спутником вашим и за пределы жизни; а до того, следуя уважения достойному примеру, в вашем превосходительстве вчераш мною замеченному, я, до окончания коронации, буду полицейским в полном смысле слова, и, признаюсь, что вместе с вами вижу в том крайность, обязывающую меня покорнейше просить об отпращивании сих чиновников в Москву к 10 числу будущего месяца, дабы к прибытию вашему успел я, по мере возможности, ввести порядок, к предупреждению зла служить могущий, и познакомить вас со всем тем, что к сведению вашему будет необходимым». ¹ Читая эти высокопарные фразы, только удивляешься; вся эта напыщенность и торжественность тратились только для того, чтобы поставить на службу сыщиков, а самому пройти в должность их начальника!

А 7 апреля Скобелев вновь докладывал Бенкендорфу: «если справедливо, что неблагонамеренные люди (как извещен я), при неудачах произвесть какой-либо комераж в столицах, обратились к поселянам и партизанют, то все чаяния мои и опасения оправдываются, а уверяющие в совершенном спокойствии должны бы краснеть (разумея под сим неопытность)». ²

Итак, Скобелев и его добрые сотрудники прибыли в Москву и начали действовать против злоумышленников и коварных предприятий в Первопрестольной, приуготовляя ее к коронации. Нечего говорить, что о каких-либо «комеражах» в Москве не было и помину, а злонамеренные люди были тише воды, ниже травы. Но как бы там ни было, Скобелев, рисовавший столь

¹ Русская Старина. 1886 г., т. III, стр. 584.

² Там же, стр. 584.

страшные картины возможных потрясений, должен был проявлять свою деятельность, ибо вечная цель шпиона и агента — не дать поселиться в лицах, власть имеющих, уверенности в совершенном спокойствии. С этой целью, за отсутствием проявлений злоумышленной деятельности, дела создаются искусственно. Так поступил и Скобелев, создав громкое дело о распространении стихов Пушкина из элегии «Андрей Шенье» и предсмертного письма Рылеева, — дело, которое разыгрывалось довольно сильно на протяжении двух лет. Быть может, Скобелев ухватился с особенным старанием за это дело, потому что тут был замешан Пушкин, который уже не первый раз являлся предметом его злобного доносительства. Еще в 1824 году, когда успехи генерала по службе сильно пошатнулись и он поневоле должен был привыкать «к имени человека, через праздность ничтожного», он задумал поправить свои дела доносом на Пушкина, в это время жившего в Одессе. Докладывая о стихах, приписанных Пушкину («Мысль о свободе»), Скобелев 17 января 1824 года рапортовал: «не лучше ли бы было одному Пушкину, который изрядные свои дарования употребил в явное зло, запретить издавать развратные стихотворения? Не соблазны ли они для людей, к воспитанию коих приобщено спасительное попечение?.. Если бы сочинитель вредных пасквилей немедленно в награду лишился нескольких клочков шкуры — было бы лучше. На что снисхождение к человеку, над коим общий глас благомыслящих граждан делает строгий приговор? Один пример больше бы сформировал пользы; но сколько же напротив водворится вреда — неуместною к негодяям нежностью! Можно смело ручаться, что многие из порядочных людей без соболезнования решились бы удавить детей равномерно развратных, следовательно, большой еще перевес на стороне благочестия, — надобно только зло умерщвлять в начале рождения его».¹

Можно себе представить, как воспрянул духом Скобелев, когда его соглядатаи донесли ему, что в Москве по рукам ходит новый пасквиль вертопраха, да еще озаглавленный «на 14 декабря». Один из его «добрых сотрудников», помещик Коноплев (он же чиновник 14 класса), узнал, что преступные стихи имеются у его приятеля Леопольдова. Леопольдов в этом году только что завершил свое университетское образование. Это был очень бойкий молодой человек. Еще будучи студентом, он уже был определен надзирателем в университетский благородный пансион. Начальство к нему благоволило, профессора оказывали ему внимание или, как он выражался, «мои наставники-старцы въявь при сверстниках указывали мне дорогу». Смышленный и способный Леопольдов занимался и литературой, печатая кое-что в московских журналах. Преподавая в частных домах, он завязал связи с хорошими московскими семьями.

¹ Русск. Стар. 1871 г., т. IV, стр. 670 — 672.

Вообще он был типичным представителем мелкого разночинного и интеллигентного круга. За словом известных писателей, тоже людей богатых или родовитых, за немногочисленным кругом европейски образованных сановников стояла толпа, читавшая писателей, критиковавшая правительство и порядки, усваивавшая и по-своему переделывавшая оппозиционное настроение верхних слоев. Это были мелкие дворяне; разночинцы, выходящие в люди; офицерская молодежь средней руки, по большей части специальных родов оружия; мелкие чиновники, канцеляристы. После того, как ушли со сцены декабристы, эти русские граждане, плохо понимавшие и не стойко защищавшие свои права, явились хранителями революционной идеи, критиками грозного Николая, смелыми на язык и робкими в расправе; они хранили и питали легенду о том, что тайный комитет декабристов не уничтожен, а в нужное время обнаружится; они устраивали кружки и общества и имитировали заговорщическую деятельность, тяжело расплачиваясь за эту свою работу, ни в каких реальных ценностях не выражавшуюся. Принято думать, что возбуждение и возмущение духа оппозиции было убито без остатков после 14 декабря, что оппозиционная мысль была тогда же уничтожена и только спустя десять лет она возродилась. Это утверждение неправильно, ибо она, оппозиционная мысль все время тлела в жалких для нас распространителях пасквильных стихов; в кружках, из которых «добрые сотрудники» устраивали тайные злоумышленные общества (дело Ипполита Завалишина в Оренбурге); в группах студенческой молодежи, устраивавших университетские истории и задумывавшихся над общественным устройством. Если в самом верху нашей интеллигенции шла теоретическая выработка основных принципов борьбы, то тут, в этих низах в формах, смешных и жалких, проявлялось действие, осуществлялись попытки фактической борьбы.

В таких-то кругах в Москве в 1826 году бурлила жизнь. Как раз в это время молодой студент университета Полежаев пускал в свет своего «Сашку» и другие плоды своей музыки, которые были тоже своеобразным бунтом против общепринятой морали и устоев. В этой среде распространились запретные строфы стихотворения Пушкина «Андрей Шенье в темнице». Оно написано Пушкиным в январе 1825 года и напечатано впервые в собрании стихотворений, которое появилось в первой половине января следующего года. Цензурное же разрешение дано 8 октября 1825 года. В мае этого года Пушкин в письме спрашивал Вяземского: «читал ты моего «А. Шенье в темнице»? Суди о нем, как иезуит, по намерению». Эта элегия имеет важнейшее значение в развитии творчества и мирозерцания Пушкина, но в настоящее время в нашу задачу не входит исследование «намерений» поэта, ибо его скрытые намерения были не при чем в возникновении интереса к этому стихотво-

рению. Цензура не пропустила целиком элегии, но непропущенные строфы распространились, получили широкую известность, а после событий 14 декабря были приурочены к этому восстанию. В той предсмертной песне, которую Пушкин вложил в уста Шенье в темнице, были стихи, фразы и слова, которые подходили к современному положению:

Я зрел твоих сынов гражданскую отвагу,
Я слышал...

...самовластною бестрепетный ответ.

Все это было отнесено к восставшим на Сенатской площади. А изображение состояния общества после гибельно окончившейся попытки, погасившей мечты о царстве свободы, русские читатели того времени усматривали в стихах:

И мы воскликнули «Блаженство!...

О горе! о безумный сон!

Где вольность и закон? Над нами

Единый властвует топор.

Мы свергнули царей? Убийцу с палачами

Избрали мы в дари! О ужас, о позор!...

После 13 июля 1826 года, дня казни пяти декабристов, неслыханно дерзким казалось это название в приложении к Николаю I и его главным помощникам. Понятно их негодование, когда эти строфы с заголовком на 14 декабря попались в их руки. А Пушкин убийцей и палачами называл всего-на-всего Робеспьера и Конвент. Так против смысла стихотворения, вопреки какому-либо желанию автора, произошло приурочение их к 14 декабря русским читателем; но в этом нет ничего диковинного, если русские вольнодумцы в конце первой четверти XIX века вычитывали намеки на современность в «шутотрагедии» И. А. Крылова «Трумф», которая, как известно, написана была в 1800 г.

История распространения списка со стихами Пушкина, как она выясняется из следственных документов, относит начало этого распространения к штабс-капитану лейб-гвардии конноегерского полка Александру Ильичу Алексееву.¹ Откуда же получил он запретный отрывок, остается невыясненным. На следствии Алексеев показал, что он получил эти стихи в октябре или ноябре 1825 года в Москве, но от кого, не помнит. Правительство употребило меры, чтобы заставить его сказать, кто ему дал стихи. Убеждал его сознаться и Дибич и Потапов; из тюрьмы привозили его домой к больному отцу. Отец грозил ему проклятием, если он не откроет, от кого получил рукописи. Запирательство ухудшило его положение, но другого показания он не дал: «как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит». Этот Алексеев по тому, как

¹ См. перепечатанное дальше наше сообщение «Пушкин в политическом процессе 1826 — 1828». Там изложены данные следствия.

он держался на следствии, производит приятное впечатление. Он был сын известного генерала Ильи Ивановича Алексеева и Натальи Филипповны, урожд. Вигель и, следовательно, приходился племянником известному Ф. Ф. Вигелю, автору «Записок». Его дядя оставил в «Записках» его характеристику. А. И. Алексеев учился в пажеском корпусе и был выпущен в военную службу в 1819 году, 19 лет от роду. Благодаря высокому положению отца и его связям, благодаря собственной ловкости и умению расположить к себе начальство он легко делал свою карьеру. В 1826 году — 26 лет от роду — он был штабс-капитаном л.-гв. конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, но он мало жил в полку, часто бывал в Петербурге и у своих домашних в Москве. Обладая счастливой наружностью, он пользовался успехом у женщин и был желанным танзором на московских балах. Ф. Ф. Вигель вспоминает о том, как он отличался на балу у Алексея Михайловича Пушкина,¹ родственника поэта. В феврале 1826 года А. И. Алексеев находился в Новгороде. К нему зашел прапорщик конно-пионерного эскадрона Молчанов, приходивший с ремонтом в Петербург.² Зашел разговор о стихах Пушкина, и Алексеев сообщил, что у него есть последнее его сочинение, и показал ему запрещенные строфы из элегии «А. Шенье». Молчанов выпросил у него этот список для того, чтобы переписать стихи для себя. С тех пор Алексеев уже не видал этого собственноручно им сделанного списка. Молчанов не вернул его, а увез с собою. В Москве в июле месяце увидал у него стихи «русский учитель» Леопольдов и попросил тоже списать. Выпустив из своих рук список Алексеева, Молчанов не получил его обратно. Неясно, с каким умыслом доставал эти стихи Леопольдов. На следствии он (может быть, желая оправдаться) показывал, что если он и не представил их своевременно по начальству, то только потому, что высшее начальство в это время по случаю предстоящей коронации переезжало из Петербурга в Москву и было не легко находимо, а кроме того, он хотел точнее разузнать, кто распускал подобные стихи. Но Леопольдов знал, чем занимался его знакомец, калужский помещик XIV класса,

¹ В этом доме А. И. Алексеев мог много слышать о Пушкине; кроме того, был и еще источник, через который могли доходить рассказы о Пушкине. В это время командиром эскадрона лейб-гвардии конно-егерского полка, стоявшего в Новгороде, был Павел Иванович Павлищев (Л. Павлищев: «Воспоминания о Пушкине». М., 1890 г., стр. 45—46). Его брат Ник. Ив. впоследствии женился на сестре Пушкина. О нем писала Анна Ник. Вульф в письме к Пушкину от 20 апреля 1826 года из Малининков: «Il nous est arrivé encore de Novgorod un aimable jeune homme Mr. Pavlichteff, un grand musicien; il m'a dit qu'il vous connaissait». Любопытно отметить, что Пав. Ив. Павлищев был одним из судей (ассессоров) в той комиссии, которая судила Алексеева, посылая допросы Пушкину и т. д.

² Едва ли не брат Молчанова, привлекавшегося по делу о восстании Черниговского полка.

Коноплев, которому он передал стихи: «передача же, — пока зывал он на суде, — или временное оставление мое оных стихов у одного знаконца, через которого обнаружались оные пред правительством, известны высокому начальству, которое положило начало сему делу». Как бы там ни было, но Леопольдов аккуратненько переписал стихи на лист бумаги и тут же на листе прибавил к ним копию предсмертного письма Рыльева, которое получило широкую известность в то время. И до сих пор попадает еще немало современных списков письма. В Москву это письмо пришло очень скоро после смерти Рыльева вместе с прибывшими из Петербурга чинами, писцами и т. д. Переписанное им он вручил Коноплеву. По всей вероятности, Леопольдов в это время не думал, что придется выдавать лиц, сообщивших ему эти стихи, а просто желал и сам выиграть что-либо своим сообщением, и дать выслужиться своему знакомцу Коноплеву. Коноплев же полагал, что в силу своей службы по секретным поручениям при генерале Скобелеве он останется неназванным во всей этой истории и в стороне от всяких следствий. По крайней мере, представляя Скобелеву стихи Пушкина, он и не считал нужным рассказывать, от кого он их получил, да и генерал Скобелев тоже не интересовался. Для него было важно лишь одно обстоятельство, что стихи эти принадлежат перу Пушкина; Скобелев полагал, что ответчиком за эти стихи явится один Пушкин. Таким образом, снова Пушкин был близок к беде.

III

13 июня были повешены декабристы, 14 июля совершен очистительный молебен, а затем дарь, двор, министры выехали в Москву. 20 июля Николай Павлович приехал в Москву, 24 состоялся торжественный въезд, а затем до 22 августа — дня коронации — царь предавался главным образом смотрам, маневрам, не переставая заниматься и государственными делами, среди них теми, которые задерживались до окончания следствия и суда над декабристами.

В начале августа (до маневров, бывших 17, 18 августа)¹ Скобелев, по болезни не выходивший из дома, препроводил стихи Пушкина к Бенкендорфу. Не сохранилось препроводительной бумаги Скобелева, но из последовавших за ней запросов видно, что Скобелев не останавливался на вопросах о распространении, ограничившись сообщением ненавистного ему имени автора. Когда он, Бенкендорф, прочел в бумаге Скобелева, что это стихи Пушкина, он вспомнил, очевидно, то впечатление о Пушкине, которое создалось в следственной комиссии. Не имея возможности «по причине крайнего недостатка вре-

¹ Th. Schiemann. «Geschichte Russlands unter Nicolaus I» B. II, S. 149.

мехи и предстоящих маневров» побывать у больного Скобелева и лично объясниться, он попросил его запиской разрешить некоторые сомнения. И первый вопрос, обращенный к Скобелеву — «какой это Пушкин, тот ли самый, который живет в Пскове, известный сочинитель вольных стихов?» «Если не тот, — был другой вопрос, — то кто именно, где служит и где живет?» Наконец, третье: «Стихи сии самим ли Пушкиным подписаны и не подделана ли подпись под чужое имя? также тот лист, на котором они сообщены ген.-ад. Бенкендорфу, суть ли подлинный или копия с подлинного? где подлинник находится и через кого именно они доставлены к вашему превосходительству?» На первые два вопроса Скобелев собственноручно писал: «Мне сказано, что тот который писать подобные стихи имеет уже запрещение, но отослан к атцу его». На третий вопрос Скобелев ответил: «Я представил копию которая писана рукою моего чиновника, подлинная говорят прислана из Петербурха, о чем вернее объяснит чиновник коего буду иметь честь представить».¹

Бенкендорф обратил особое внимание на это дело хотя бы уж в силу одного того соображения, что оно было одним из первых в практике новорожденного III отделения, бывшего под его начальством. Понятно, ему хотелось провести его возможно тщательно. Кроме этого, не мог не поразить его самый тон стихов, приуроченных к 14 декабря. По характерному выражению Леопольдова: «увидав стихи, подумали: щука съедена, остались зубы; а потом возбудили вопрос: не остаток ли это духа недавно у нас погашенной булги».² Поэтому он и поспешил выяснить, кто участвовал в распространении. Сообщение же об авторе стихов приобретало особое значение в виду того, что об освобождении автора хлопотали у государя, что автор сам, заявляя о раскаянии, просил о милости во всеподданнейшем прошении. Отметим, что прошение Пушкина только 30 июля было отправлено маркизом Паулуччи к министру иностранных дел Нессельроде. В то время, когда началось дело о стихах «Шенье», прошение — надо думать — было накануне доклада. По получении в Москве, оно было передано начальнику главного штаба

¹ Этой запиской с вопросами Бенкендорфа и ответами Скобелева начинается обширное дело III отделения о Пушкине (Б. Арх., III отд., I экзп., № 62; началось в 1826 году и кончилось в 1854 году). Все дела III отд. о Пушкине изданы С. Сухониным, СПб., 1906 г., но в высшей степени несправно, в чем мы убедились, сверяя его издания с подлинником во время наших занятий в арх. б. департ. полиции. Примером неряшливости может служить как раз записка, о которой идет речь. Правильно она была издана еще в 1883 году в Русской Старине (т. XXXVIII, июль, стр. 690 — 692) См. мою рецензию на изд. Сухонина в «Былом», 1906, кн. II, стр. 229 — 301, ср. дальше прим. на стр. 98.

² Леопольдов. Автобиография. Рукоп. б. Саратовской ученой архивной комиссии. Булга — тревога, беспокойство.

и позднее им же доложено. Бенкендорф не мог не знать этих обстоятельств.

Скобелев направил к Бенкендорфу своего «добротого сотрудника» Коноплева. Он не ожидал подобного оборота дела, потому что, получив от Леопольдова рукопись со стихами, он не спросил его, от кого он получил их, и поэтому не мог удовлетворить любопытству Бенкендорфа. Ему он мог только донести, что стихи списаны для него Леопольдовым. А Леопольдова в это время уже не было в Москве: получив кандидатский аттестат, он уехал к себе на родину в Саратовскую губернию. 21 августа Коноплев получил от Скобелева приказание «в тот же час отправиться для отыскания г. Леопольдова и отобрания от него инкогнито, от кого он стихи сии получил или сам сочинил». Так впоследствии объяснял Коноплев свои действия по требованию новгородского уездного суда. «Отыскавши Леопольдова,—заканчивал свое объяснение Коноплев,—и отобравши от него сведения, возвратился в Москву и доставил оное г. генерал-майору Скобелеву, который в то же время свез оное к г. ген.-ад. Бенкендорфу, на другой же день все прикосновенные лица были взяты, а мне объявлена благодарность от начальства».

Задача, возложенная на Коноплева,—разыскание распространителей; но автор был уже назван. Правда, могло еще быть сомнение, не подделка ли имени, но Скобелев утвердил еще раз принадлежность стихов Пушкину. Но если автор действительно Пушкин, сочинитель вольных стихов, являлась сама собой мысль: значит, все преследования его не угомонили! значит, одной рукой подписывая прошение о помиловании, другой он пишет проклятия убийце с палачами (это после 13-го то июля!) значит, его обещание не противоречить общепринятому порядку неискренне! При той близости, которая была между Николаем I и Бенкендорфом; при том усиленном внимании, которое уделял царь любезной его сердцу деятельности III отделения всегда (а тем более на первых шагах этого учреждения); наконец при чрезмерно изощренной любви к сыску нельзя допустить предположения, что Бенкендорф не довел до сведения Николая I полученного им доноса Скобелева об авторстве Пушкина. Конечно, он тотчас же доложил об этом царю, перед которым лежала и просьба Пушкина. Для нас ясно, что резолюция, положенная Николаем на прошение Пушкина, находится в связи с возникновением дела о распространении стихов из элегии. Эту резолюцию 28 августа записал начальник главного штаба Дибич так: «Высочайше повелено Пушкина призвать сюда. Для сопровождения его командировать фельдъегеря. Пушкину позволено ехать в своем экипаже свободно, под надзором фельдъегеря, не в виде арестанта. Пушкину прибыть прямо ко мне. Писать о сем псковскому губернатору». Мне всегда казалась странной эта резолюция, которую биографы и иссле-

дователи считали извещением о помиловании: «Государь излил свою милость, вызвав Пушкина сейчас же после коронации в Москву к себе» — так пишут биографы. Но стоит прочесть внимательнее резолюцию, и сейчас же бросится в глаза весьма необыкновенная манера призыва человека, на которого собираются излить милосердие и которому разрешается «ехать свободно, под надзором фельдъегеря». Не помилование тут имелось в виду. Пушкин лично перед Николаем I должен был разрешить недоумение, вызываемое авторством стихов «На 14 декабря», и дальнейшая участь его зависела от его ответа. Судьба его висела на волоске, но мы знаем, что ему легко было оправдаться в обвинении, возводимом на него: стоило только указать, что все стихотворение написано им еще до 14 декабря. Для нас очевидно, что подобное объяснение было сделано Пушкиным перед Николаем и принято во внимание. Только допущением этого факта и может быть объяснена история следствия о распространении стихов в первой стадии процесса (производство в военно-судной комиссии). Правительство проявило чрезвычайную энергию и быстроту в разыскании распространителей и виновников приурочения и чрезмерную жестокость в наказаниях офицерам, признанным в этом виновными. Николай I был хорошо осведомлен о ходе дела о распространении стихов Пушкина; он сам предписывал быстроту и энергию. Но Пушкин не был потребован к делу в то время, как оно производилось в Москве в военно-судной комиссии. Он был оставлен в стороне. Но как могло бы случиться это, если бы Пушкин не дал нужных разъяснений или если бы эти разъяснения не удовлетворили Николая I? Это противоречило бы истинным традициям сыска; недаром последующие инстанции, производившие дело и не знавшие об объяснениях Пушкина, признавали ненормальным тот факт, что Пушкин не был привлечен к делу, и старались притянуть Пушкина поближе. Пушкин объяснился и считал дело поконченным; поэтому, когда его начали в 1827 и 1828 годах беспокоить допросами, он не мог не возмутиться повторением старого и отвечал с излишнею резкостью, которая и была при окончательном решении дела поставлена ему в счет.

В своем изложении мы забежали немного вперед, но мы должны были сделать так, чтобы доказать наше положение: резолюция о вызове Пушкина еще не предвещала помилования; она не была результатом предпринятого определенного решения, благоприятного просьбе поэта. Напротив, окончательное решение откладывалось. Хлопотами Карамзина и Жуковского, желанием сохранить изысканное украшение царствования, наконец, боязнию вызвать отказом вновь к жизни ненавистный источник вольномыслия была подготовлена возможность помилования Пушкина, но возможность вдруг встретила серьезное препятствие — в инциденте со стихами «На 14 декабря».

Пушкин сам должен был дать ответ, и оказался, что он действительно в стихах метил на 14 декабря, не тем бы кончилось его «призвание» в Москву. Нам приходится теперь восстанавливать связь увоза Пушкина из Михайловского с делом о стихах на 14 декабря, в славу Николая I порванную биографами, но сохранились современные известия о том, что Пушкин был затребован в Москву именно по этому делу. Таковы были предания Тригорского, о которых сообщает М. И. Семевский. Так рассказывает и Вигель, который мог быть осведомлен о несчастье своего племянника, пострадавшего за распространение стихов Пушкина.

IV

В то время как делали распоряжения о «призыве» Пушкина в Москву, агент Скобелева Коноплев съездил в Сердобский уезд Саратовской губернии, разыскал проживавшего у родителей Леопольдова и узнал от него, что стихи Пушкина были взяты им у прапорщика Молчанова. Леопольдов сейчас же сообразил, что при подобном обороте дела ему не пройдет даром эта история, и отправил Бенкендорфу письмо, в котором доводил до его сведения, что у него имеются преступные стихи и что очевидно злоумышления противу правительства не совсем еще истреблены.¹ Вернувшись в Москву, Коноплев тотчас же доложил полученное им сведение Скобелеву, а тот в то же время «свез оное к генерал-адъютанту Бенкендорфу». Молчанов был разыскан и арестован. В тот самый день, когда Пушкин объяснялся с Николаем Павловичем — 8 сентября, — от Молчанова была отобрана начальником главного штаба следующая подписка:

«Я нижеподписавшийся получил стихи сочинения Пушкина на 14-е декабря от Александра Алексеева лейб-гвардии конноегерского полка шт.-капитана, во время моего возвращения в Петербург с ремонтом в феврале месяце 1826 года».

Итак, в то время как Пушкин, совершенно удовлетворительно объяснивший свою роль в истории со стихами, отстраняется (но, — увы! — только на первых порах!) от дознания, правительство с особенным рвением стремится отыскать и наказать распространителей и приспособителей стихотворения к событиям 14 декабря. Молчанов, очевидно, во внимание к его быстрому сознанию, был переведен тотчас же из гвар-

¹ Когда Леопольдову предъявили обвинение в распространении стихов, он все свое оправдание построил на этом письме к Бенкендорфу. Своевременно-де он донес правительству о том, что у него есть стихи, а если он раньше до отъезда на родину не сообщил о них, то это потому, что не знал, где найти начальство, а кроме того хотел лучше выследить источник распространения. Бенкендорф подтвердил полученные им письма от Леопольдова. Совершенно не соответствуют портовому истине его позднейшие рассказы о том, что он написал Бенкендорфу письмо, якобы по просьбе брата Алексеева, в защиту последнего.

дин (пионерный эскадрон) в армию (нижегородский драгунский полк), но с тем, чтобы до окончания дела он содержался под арестом. Приказ о переводе состоялся 9 сентября. По показанию Молчанова был найден и арестован Алексеев. 16 сентября по высочайшему повелению он был арестованным отправлен в Москву. В Москве его допрашивал начальник штаба И. И. Дибич, и Алексеев, «не отвергая того, что отдал стихи Молчанову, не только не объявил в свое время сочинения сего начальству, как того требовал долг честного и верного офицера и русского дворянина, но, не раскаиваясь в своем поступке, решительно не захотел открыть, от кого он сам получил сии бумаги». Мы уже упоминали, что на Алексеева пытались воздействовать мольбами и проклятием его престарелого отца. Запирательство Алексеева было принято за доказательство намерения «скрыть следы, по которым могли быть открыты злоумышленники, распространяющие подобные сочинения». И Николай Павлович приказал судить Алексеева военным судом с неперемным условием, чтобы суд был окончен в три дня. Уже 25 сентября Дибич передал высочайшее повеление. Со стремительной быстротой в тот же день состоялась военно-судная комиссия и через три дня приговорила Алексеева к смертной казни. Стремительность была рассчитана, очевидно, на то, что Алексеев убоится и назовет лицо, от которого он получил стихи. Но он не сделал этого по той простой причине, что не мог вспомнить. Сохранилось следующее известие, записанное А. Я. Булгаковым 30 сентября: «Наташа была у Алексеевых и приехала оттуда расплаканная. Бедный отец и мать в пружалом положении; я не понимаю упрямства сына старшего. Может ли быть, чтобы он не помнил, от кого получил стихи эти мерзкие? Отец, к коему он был приведен, угрожал ему проклятием; как ни был он тронут, как ни плакал, а все утверждал, что не помнит. Кажется, это было не 10 лет назад! Все утверждают, что стихи Пушкина, однако же надобно это доказать и его изобличить». А 1 октября Булгаков писал: «Стихи точно Пушкина. Он не только сознался, но и прибавил, что они давно напечатаны в его сочинениях. Тут речь о французской революции, только многое кем-то украшено, с разными прибавлениями, и поставлено заглавие: 14 декабря. Кто этот труд взял на себя, неизвестно, а добиваются. Бешкендорф сказывал Бронеру: эти стихи так мерзки, что вы верно выдали бы своего сына сами, ежели бы знали, что он сочинитель». ¹ По поводу этих сообщений необходимо сделать два замечания. Записи, сделанные 30 сентября и 1 октября, имеют в виду события более ранние, предшествовавшие суду над Алексеевым. Свидание с отцом, убеждавшим его сознаться, происходило до 25 сентября. А из известия о Пушкине вовсе нельзя извлечь,

¹ Русск. Арх., 1901 г., т. II, стр. 402, 403.

как это делает В. Я. Брюсов,¹ указав на то, что в промежутке между 26 и 29 сентября произошел первый допрос Пушкина по делу о стихах. Во всем производстве военно-судной комиссии, пока она заседала в Москве, нет никаких следов допроса Пушкина, да и не могло быть, ибо комиссии приказано было судить только одного Алексеева и не касаться других, да кроме того объяснения, данные Пушкиным Николаю I, совершенно удовлетворили царя и положили конец дознанию о роли Пушкина. Ближайшие помощники царя—Бенкендорф, Дибич, Потапов—конечно знали об этом, знали и сущность данных Пушкиным объяснений и потому на первых порах, когда везде говорили о милости, оказанной монархом поэту, не считали возможным привлекать Пушкина к ответу. Нельзя не отметить для истории дальнейших отношений Пушкина к Бенкендорфу фразы последнего, приведенной Булгаковым: «Эти стихи так мерзки (это значит: даже и без приурочения к 14 декабря), что вы верно выдали бы своего сына, ежели бы знали, что он сочинитель». Известно, что недоразумения между Пушкиным и Бенкендорфом начались очень скоро после милости—знак, что Бенкендорф и остальные за это время узнали, как на самом деле смотрел Николай I на Пушкина. О пренебрежительном отношении к поэту Бенкендорф и остальные и помыслить не дерзнули бы, если бы они не почувствовали нот презрения в самом царе, а это пренебрежение, которое даже не всегда считали нужным скрывать под холодно-вежливыми фразами, высказано чуть ли не с первого момента появления Пушкина в московском обществе. Только таким пренебрежением и можно объяснить, что через полтора месяца после прощения Пушкина, 25 октября, Николай I утвердил мнение аудиториатского департамента по делу Алексеева, а в этом мнении департамент полагал вернуть дело в ту же военно-судную комиссию для дополнения по нескольким пунктам и между прочим для отобрания от Пушкина показания: «им ли сочинены означенные стихи; когда, почему известно ему² сделалось намерение злоумышленников, в стихах изъясненное; в случае же отрицательства, не известно ли ему, кем оные сочинены». Но раз комиссия отбирала показания у прикосновенных к делу, то по чину она должна была произнести суждение о всех прикосновенных. Таким образом притягивался к делу и Пушкин. 4 ноября великий князь Михаил Павлович, делая распоряжения о продолжении дела, предлагал комиссии уже не только истребовать показание Пушкина, но и в случае

¹ Русск. Арх., 1906 г., т. I, стр. 327. Домыслы В. Я. Брюсова о днях допроса, о лице допрашивавшем, совершенно не соответствуют действительности.

² Комиссия вывела заключение, что стихи были написаны до 14 декабря на основании показания Алексеева, что стихи достались ему в Москве осенью 1825 г.

надобности доставить в Новгород и его самого. Несмотря на то, что военно-судная комиссия удовлетворилась показаниями Пушкина, он не был освобожден от дела и по окончании ее действий. 25 марта Николай утвердил мнение аудиториата, повторившего сентенцию Михаила Павловича о продолжении следствия в гражданском уголовном суде теперь уже над Леопольдовым, но с вменением суду в обязанность истребовать новые объяснения от Пушкина и, сообразив оные, поступить по законам. Так с необыкновенной настойчивостью высказывалось истинное мелочно-злое отношение Михаила Павловича и самого Николая I к Пушкину.

Любань.

12 января 1909.

2. Пушкин в политическом процессе 1826—1828 гг.

(Из архивных разысканий.)¹

В январе 1826 года вышли в свет «Стихотворения Александра Пушкина», разрешенные цензурой к выпуску 8 октября 1825 года. В этой книге была напечатана элегия «Андрей Шенье», написанная Пушкиным в январе 1825 года. Элегия была урезана в цензуре, выброшен был следующий отрывок — гимн свободе:·

Приветствую тебя, мое светило!
Я славил твой небесный лик,
Когда он искрою возник,
Когда ты в буре восходило;
Я славил твой священный гром,
Когда он разметал позорную твердыню
И власти древнюю гордыню
Рассеял пеплом и стыдом;
Я зрел твоих сынов гражданскую отягу,
Я слышал братский их обет,
Великодушную присягу
И самовластия бестрепетный ответ;
Я зрел, как их могучи волны
Все ниспровергли, увлекли,
И пламенный трибун предрек, восторга полный,
Перерождение земли.
Уже сиял твой мудрый гений,
Уже в бессмертный пантеон
Святых изгнанников восходили славны тени;
От пелены предубеждений
Разоблачался ветхий трон;
Оковы падали. Закон,
На вольность опершись, провозгласил равенство,
И мы воскликнули: «Блаженство!»...
О, горе! о безумный сон!

¹ Эта статья появилась в издании «Пушкин и его современники», вып. XI (были и отдельные оттиски).